

Словники

- БЭС:** Большой Энциклопедический словарь [А.М. Прохоров]. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 2001. – С. 544.
- БРЭС:** Большой Российский Энциклопедический словарь [В.М. Кожевник, П.А. Николаев]. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 1631с.
- ВТССУМ:** Великий тлумачний словник сучасної української мови [В.М. Білоноженко, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк та ін.]. – К.: Дніпро, 2009. – С.445
- ЕСУМ:** Етимологічний словник української мови у [7 т.] / [О. Мельничук, І. Білодід, В. Коломієць, О. Ткаченко.] – Т. 2 (Д – Копці). – К.: Наук. думка, 1985. – 570с.
- ЛЭС:** Лингвистический энциклопедический словарь [В.И. Ярцева]. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002. – 2-е изд. – 1057 с.
- НСІС:** Новий словник іншомовних слів [Л.І. Шевченко]. – К.: Арії, 2008. – 672 с.
- РЯ:** Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. 704 с.
- СМК:** Бацевич Ф.С. Словник міжкультурної комунікації / Ф.С. Бацевич; МОН України, ЛНУ ім. І. Франка. – К.: Довіра, 2007 –С.45.
- ТСРЯ:** Толковый словарь русского языка у [2 т.] [Д.Н. Ушаков]. –М.: Терра –1996 – С.1393
- УМЕ:** Українська мова. Енциклопедія [В.М. Русанівський]. – К.: «Українська енциклопедія» 3-є видання, 2007. – 1095 с.

УДК 81'373.23+811.112.2+801.673.3

Усова Н.В.
(Горловка, Украина)

ПОЭТОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕЛОМЛЕНИЯ ДУАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

Розглядаються лінгвокультурологічні особливості функціонування онімної лексики в поетичному творі Г. Гессе. Виявляються семантичні ознаки поетичних біблейських онімів за принципом дихотомії.

Ключові слова: *поетонім, біблійні оніми, опозиція, первинна семантика.*

Рассматриваются лингвокультурологические особенности функционирования онимной лексики в поэтическом произведении Г. Гессе. Выявляются семантические признаки поэтических библейских онимов, составляющих оппозицию.

Ключевые слова: *поетоним, библейские онимы, оппозиция, первичная семантика.*

The article deals with linguistic and culturologic features of onym lexicon functioning in poetic product of H.Hesse. The semantic signs of poetic biblical onyms by principle of dichotomies are exposed.

Key words: *poetonym, Biblical onyms, opposition, primary semantics.*

© Усова Н.В., 2011

В современном отечественном и зарубежном языкознании становится всё более распространённым комплексный, системный подход, который пришёл на смену атомарному рассмотрению отдельно взятых аспектов языковых и речевых явлений. Онимийный слой лексики становится одним из главных объектов лингвистических исследований. При этом изучаются особенности структуры, семантики и употребления этих единиц на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, семантическом, художественном и в широком культурном контексте.

В мифологиях древних народов прослеживаются типологические параллели, построенные на двоичных противопоставлениях белый – чёрный, свет – тьма, положительный – отрицательный, благой – злой и т. п. Универсальность дихотомий была доказана в своё время исследованиями в области структурализма и семиотики [4; 7]. По лемме Хокарта, две противоположные половины, на которые делятся социальные единицы, относятся друг к другу как правое к левому, внутреннее к внешнему [2]. Совокупность знаний о структуре общества позволила сделать выводы о том, что в основе двоичных классификаций лежат особенности архаического мышления [2, с. 304]. Глубокая мифологическая семантика имен собственных, по-видимому, и даёт возможность использовать их в качестве слов-символов, архетипически связанных с определёнными образами. Архетип, лежащий, наряду с другими созданиями человеческой фантазии, в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок, обладает устойчивостью и распространённостью внутри определённого социокультурного сообщества. Имена-архетипы, имена-символы, приобретая новый контекст после вхождения в художественные произведения, сохраняют свою “первичную” семантику в виде коннотаций и приобретают новое, поэтонимическое значение в художественном контексте. Выраженная этимология определяет роль поэтонимов в формировании “многослойности” смысла стихотворения.

В сложных взаимоотношениях поэтонимов и контекста наполняются новым содержанием поэтонимы стихотворения Германа Гессе «Das Lied von Abels Tod» («Песнь о смерти Авеля») [1, с. 125]. Это произведение представляет собой интерпретацию библейской легенды о прекрасном и благочестивом юноше Авеле, убитом завистливым братом Каином.

Рассмотрим структурно-композиционную сторону произведения. Основой композиции стихотворения как целого является параллелизм образов библейских персонажей, осуществляемый, в частности, особенностями поэтики и фоники библейских антропонимов, называющих обоих братьев. Поэтоним *Abel* (Авель) употребляется в заглавии, создавая эффект антиципации развертываемой далее коллизии. Ассоциативные связи с библейскими мотивами соединены здесь с картинами современного мира, что ставит главную тему – убийство Авеля – вне времени. Всего поэтоним в стихотворении присутствует семь раз (так же, как и имя *Kain* (Каин)), и еще трижды его звучание анаграмматически повторяется в апеллятиве *Schnabel* (клюв). Композиционная схема стихотворения характеризуется необычностью строфической организации: стихи объединены в десятистишия (кроме третьей строфы, насчитывающей двенадцать строк).

Паронимический эффект возникает уже с первых стихов первой строфы благодаря выдвигению звукобуквенного комплекса имени в позицию концевой рифмы первого стиха и анаграмматическому повтору фонетической структуры этого поэтонима в конце

вой рифме третьего стиха.

*(1) Tot in den Gräsern liegt Abel,
Bruder Kain ist entflohn.
Ein Vogel kommt, taucht den Schnabel
Ins Blut, schrickt auf, fliegt davon.*

Так уже в первом четверостишии осуществляется семантизация онимных единиц *Abel – Kain* посредством соположения их графических структур и сравнения образов, составляющих противопоставление. Связанные рифмой поэтоним *Abel* и апеллятив *Schnabel* (анаграмматически содержащий фонетическую структуру [abel]) через цепь ассоциаций *Abel – Tod – Blut – Vogel – Schnabel* (Авель – смерть – кровь – Птица – клюв) рождают новое сопоставление. Не случайно звук имени Авеля “отражается” именно в фонетике апеллятива *SchnABEL*. Это метафорическое изображение клюва воспринимается как гипертрофированное воплощение птицы, птица-клюв. Образ птицы с каплями крови на клюве, имя которой ни разу не называется (употребляется только неопределенно-обобщающее – *Der Vogel (nmuca)*, или дескрипция: *der klagende Vogel* (жалующаяся птица), устойчиво ассоциируется с вороном [5, с. 283]. Очевидно, парониматическая функция фоноэмы [abel] заключается в том, чтобы сходством звучания вызывать ассоциативную связь с безвинно убитым Авелем, возвращая читательское восприятие к этому образу. Парониматически связанными общими согласными **b, l** оказываются лексические единицы *Abel – Blut – Schnabel*, составляющие один тематический ряд.

Далее в строфе продолжается развитие противопоставления образов *Abel – Kain*, обеспечиваемое особенностями их предцезурного расположения на фоне синтаксического параллелизма смежных стихов и метрической соотносительностью ‘по вертикали’:

*Er klagt unendliche Klage:
Um den schönen Abel und seinen Todesschmerz,
Um den finsternen Kain und seine Seelennot,
Um seine eigenen jungen Tage.*

Оба антропонима связываются здесь еще и созвучием ударного гласного элемента, выдвигаемого акцентно-ритмическим выделением в полустушиях, возникающей ассонансной рифмой. Пространственное сближение онимов фокусирует внимание на сходстве их звучания, которое усиливается отмеченным расположением, и одновременно подчеркивает противопоставленность их референтных значений. Затем оним *Abel* опять появляется в конце второго десятистишия в виде анаграммы, зашифрованной в составе апеллятива *Schnabel* в позиции концевой рифмы:

*Der Vogel fliegt, aus seinem blutigen Schnabel
Schreit Todesklage über die ganze Welt.*

В следующем двенадцатистишии в первую строку уже включены имена обоих братьев, причем в тождественных лексических и синтаксических условиях: при полном повторении онимных контекстов полустуший различие состоит только в определении *der tote* „мертвый“. Параллелизм конструкций только подчеркивает противопоставление по-

этонимов, а значит, и именуемых образов:

*Es hört ihn **Kain**, es hört ihn der tote **Abel**,
Es hören ihn Tausend unterm Himmelszelt.
<...>*

Апеллятив *Tod* и производные (*der*) *tote*, *Todesklage*, *Todesschmerz*, постоянно сопутствующие библейскому поэтому *Abel*, выполняют роль общего признака, сообщающего метафоричность развернутому сравнению сопоставляемых онимов *Abel – Kain*:

*Sie wollen nichts wissen von **Abels** Tod,
Nichts von **Kain** und seiner Herzensnot, <...>*

Шлейф ассоциаций придает определенный экспрессивный ореол онимно-апеллятивному ряду *Abel – Tod (смерть) – Kain*, родственному экспрессивному ореолу другого онимно-апеллятивного ряда *Abel – Blut (кровь) – Schnabel (клюв)*, компоненты которого оказываются паронимически связанными общими признаками консонантизма: согласными *b* и *l*. Здесь идет речь уже о системе образов, „отдельных образах, создающих в совокупности тематический образ“ [6, с. 181].

Далее оба поэтонима максимально сближаются, разделяясь одним лишь словом, и в этой части стихотворения звуковой повтор [abel] отсутствует, в то время как имя *Kain* поддерживается аллитерациями на *n*:

*Für sie alle, die Satten und Frohen,
Die Starken und die Rohen
Gibt es nicht **Kain** noch **Abel**, nicht Tod
noch Leid,
Und den Krieg preisen sie als große Zeit.
<...>
Und wenn der klagende Vogel vorüberfliegt, <...>*

Наконец в финальной части звуковая структура [abel] опять дублируется, и эффект такого повтора усиливается внутренней рифмой :

*<...>
Der Vogel mit seinem kleinen
Blutstropfen am **Schnabel** fliegt von Ort
zu Ort,
Seine Klage um **Abel** tönt fort und fort.*

Через все строфы проходит лейтмотивом образ птицы с окровавленным клювом, материально выраженный апеллятивом *Schnabel*, метонимически связанным с образом смерти. Происходит отождествление семантики слов *Schnabel* (заключает в себе одновременно и эксплицируемое фоноэмой референтное значение антропонима *Abel*) – *Tod*. В процессе смысловых и звуковых трансформаций на протяжении всего произведения

закрепляется звуко-смысловая связь трех ключевых слов: библейских антропонимов *Abel* – *Kain* и *Schnabel* (= *Tod*). Имя *Abel*, в первом появлении в стихотворении представляющее собой условную номинацию [3, с.173], наполненное только первичной семантикой библейского мифа, предстает в финале в новом качестве, символизируя трагедию не одного невинно убиенного, а всего человеческого рода.

Совокупность художественных средств, в канву которых удачно вплетаются поэтонимы, создаёт впечатляющую картину мира, представляющую собой дуалистически соединённые противоположности : беспечно-праздных, сытых, весёлых, прославляющих войну – этот источник их благополучия, с одной стороны, и бедствующих, голодающих и погибающих – с другой. Этому расколу положило начало первое убийство, описанное в библейском сюжете. Оно лишило жизни одного из братьев и сделало несчастным другого. Как напоминание об этой трагедии, символ горя и скорби летит над миром птица с окровавленным клювом и печальным криком тревожит живых. Аллегорическим выражением расколотого мира являются библейские онимы. Семантическая структура их раскладывается на составляющие по принципу семантических оппозиций : праведный – грешный, положительный – отрицательный, благой – злой, жертва – убийца.

Таким образом, проведенный анализ совокупности лингвистических средств и художественных ономастических приемов, использованных в стихотворении Германа Гессе «*Das Lied von Abels Tod*», позволил эксплицировать свойства библейских антропоэтонимов *Abel* и *Kain* как проприальных единиц и эстетически действенных символических знаков. Актуализация фонетического потенциала этих поэтонимов осуществляется в системе звуковых и смысловых отношений тематически связанных образов. Участие поэтонимов и их компонентов в композиционной, просодической и фонетической организации произведения оказывается решающим фактором в достижении художественной целостности, в передаче мироощущения и миропонимания поэта. Все стихотворение становится развернутым сравнением, приобретающим значение символа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессе Г. Избранное: Сборник / Г. Гессе / Сост. С.С. Аверинцев. – М. : Прогресс, 1981. – На нем. яз. – 432 с.
2. Иванов В.В., Топоров В. Н. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов // В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. – М. : Наука, 1974. – 342 с. – С. 282-293.
3. Иванова Н.И. Текстобразующая функция вариативных способов именования персонажей (на материале произведений В. Аксенова) / Н. И. Иванова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып.6. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 165-174.
4. *Levi-Struc K.* Предметная область антропологии // К. Леви-Строс. Путь Масок: Пер. с фр. – М. : Республика, 2000. – С. 357-383.
5. Усова Н.В. Звук имени и “подводное течение смысла” / Н.В. Усова // Филологические исследования. – Вып. 7. – Донецк : Юго-Восток, 2004. – С. 276-289.
6. Холшевников В.Е. Стихovedение и поэзия / В. Е. Холшевников. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. – 256 с.
7. Hocart A.M. The Life-giving myths and other essays // А. М. Hocart. – London, 1952.